

ЛАТЫШИ* В ВЯТЛАГЕ: краткий социально-демографический анализ.

* ПРИМЕЧАНИЕ:

Здесь и далее по тексту подразумеваются все оказавшиеся узниками Вятлага этнические латыши, а также жители Латвии иных национальностей.

Предварительная информация.

ВЯТЛАГ (Вятский исправительно-трудовой лагерь) НКВД-МВД СССР - организован 5 февраля 1938 года (приказ НКВД СССР N 020-1938 г.). Непосредственно подчинялся (до ноября 1955 года) Главному управлению лагерей лесной промышленности (ГУЛЛП) НКВД-МВД СССР. Официальный адрес: Кировская область, Кайский/Верхнекамский район, почтовый ящик 231 (почтовое отделение Волосница - до 15 января 1949 года, затем - почтовое отделение Лесное).

Центр: рабочий поселок Рудничный (до декабря 1939 года), затем - станция Лесная ("Соцгородок"), с июня 1944 года - поселок Лесной Кайского (ныне - Верхнекамского) района Кировской области.

Общая площадь территории дислокации (к середине 1960-х годов) - около 12 тысяч квадратных километров.

Количество лагерных пунктов (лагпунктов) и подкомандировок: от 12-ти в 1938 году - до 38-ми в конце 1950-х годов.

Средства транспортного сообщения (до середины 1960-х годов): ведомственный подъездной железнодорожный путь широкой колеи ("Гайнско-Кайская железная дорога") общей протяженностью более 250 километров к северу от станции Верхнекамская Пермской (ныне Горьковской) железной дороги; узкоколейные железнодорожные ветки; гужевые и автомобильные (грунтовые и лежневые) дороги.

Расположен в неблагоприятной природно-климатической зоне: болотистая местность, повышенная влажность (до 80 процентов в среднем за год, осадки - в течение 200 дней в году, ясных дней - не более 40, в отдельные годы - менее 15), дефицит питьевой воды, суровые зимние холода (не менее 140 дней в году - с устойчивыми морозами), летом - частые заморозки и резкие похолодания, обилие насекомых-кровососов (комары, мошка, слепни и т.п.); почвы - скудные, глинистые и песчаные; лесные массивы (ель, сосна, береза) существенно истощены лесными пожарами (крупнейший - в сентябре 1938 года) и сплошными вырубками.

Посетивший эти края еще в 1770 году русский путешественник капитан Рычков отмечал:

"Пространство северной части Вятской страны удобно для обиталища не людям, но зверям, привыкшим жить среди ужасных болот и лесов, каковы суть там все места".

Характер производственной деятельности (1940-е - 1950-е годы): лесозаготовки (от 12,0 до 17,6 процента к среднегодовым объемам в целом по Кировской области), лесопиление (от 6,1 до 15,3 процента к

общеобластным объемам), деревообработка (выпуск пиломатериалов, шпал, мебели, лыж, музыкальных инструментов и др.), строительство узкоколейных железных дорог для перевозки леса, автомобильных дорог, обслуживание целлюлозного и кирпичного заводов, ремонтных мастерских различного типа, производство обуви, швейных, гончарных и других изделий широкого потребления, подсобное сельское хозяйство.

Численность спецконтингента (осужденные, "следственно - заключенные" /с июля 1941 года/, спецпоселенцы - "трудармейцы" /с февраля 1942 года/, военнопленные /1945-1947 годы/):

- на 1 апреля 1938 года - 11.855 чел.;
- на 1 октября 1938 года - 12.553 чел.;

из них осужденные:

- за "контрреволюционные преступления" (КРП) - 6.865 (54,7 процента);
- как "социально опасные" (СОЭ) и "социально вредные" (СВЭ) элементы - 2.642 (21,0 процента);
- весь "социально чуждый элемент" - 9.507 человек (75,7 процента);
- на 1 июля 1941 года - 16.732 чел.;
- на 1 января 1942 года - 28.643 чел.,

из них латыши* - не менее 2.500 (8,7 процента);

- на 1 января 1943 года - 16.492 чел.,

из них:

- женщины - 2.800 (17,0 процента);
- осужденные за КРП - 9.051 (54,9 процента);
- латыши - не менее 1.200 (7,3 процента);
- на 1 января 1947 года - 20.904 чел.,

из них:

- осужденные - 16.499 (78,9 процента);
- в т.ч. женщины - 3.117 (18,9 процента);
- военнопленные - 2.793 (13,4 процента);
- спецпоселенцы - 1.612 (7,7 процента);
- на 1 января 1948 года - 24.922 чел.;

из них:

- женщины - 5.470 (21,9 процента);
- осужденные за КРП - 9.619 (38,6 процента);
- на 1 апреля 1952 года - 35.218 чел.

из них:

- женщины - 5.411 (15,4 процента);
- осужденные за КРП - 6.415 (18,2 процента);
- на 1 января 1953 года - 31.410 чел.;
- на 15 июля 1953 года - 21.262 чел.;
- на 1 января 1954 года - 22.215 чел.;

из них:

- женщины - 2.124 (9,6 процента);
- осужденные за КРП - 5.796 (26,1 процента);
- на 1 января 1955 года - 22.454 чел.;

из них:

- женщины - 2.558 (11,4 процента);
- осужденные за КРП - 4.102 (18,3 процента);
- на 1 января 1956 года - 22.447 чел.

Численность персонала:

На 22 июля 1941 года: штатная положенность - 2.058 единиц, фактическое наличие - 1.602 человек; в том числе военизированная охрана соответственно - 938 и 866.

На 20 января 1957 года: фактическое наличие - 7.653 человека; в том числе начальствующий состав - 581, солдаты срочной службы (охрана) - 2.280, вольнонаемные работники - 4.570, спецпоселенцы - 222 человека.

Некомплект по лагерному сектору - 563 человека.

Объемы основного производства (в тысячах кубометров):

Заготовка Вывозка Разделка Лесопиление

леса древесины древесины

1938 год 700(план) 620(план)

1939 год 900(план) 660(план) 95

1941 год 985 1029 104

1943 год 643,8 664,5 44,7

1944 год 928 948 93

1947 год 1048,5 1072,2 92,1

1950 год 1865 1903 166

1951 год 2206 1114 2152 210

1952 год 2481 1307 2483 215

1953 год 2007 1075 2012 208

1954 год 2485 1585 2481 229

1955 год 2480 1649 2474 222

1956 год 2224 1541 2326 238

Начальники Управления:

- Непомнящий Григорий Самойлович - с февраля 1938 года;

- Долгих Иван Иванович - с марта 1939 года;

- капитан государственной безопасности Левинсон Ной Соломонович - с июля 1941 года;

- полковник Кухтиков Алексей Демьянович - с декабря 1943 года;

- полковник внутренней службы Дидоренко Сергей Акимович - с февраля 1947 года;

- подполковник внутренней службы Огородников Кузьма Александрович - с октября 1953 года;

- подполковник внутренней службы Мартыненко Владимир Никитович - с февраля 1954 года;

- подполковник внутренней службы Орлов Алексей Вадимович - с января 1955 года по январь 1957 года.

Выделялся как один из лагерей НКВД с наиболее тяжелыми условиями труда и быта, особенно в 1942-1943 годах, что вело к повышенной смертности заключенных.

В 1942 году число летальных случаев в Вятлаге составило: по всем спецконтингентам - не менее 9.090, или 31,6 процента к среднемесячному списочному составу; среди репрессированных по политическим мотивам - соответственно 7.271 и 32,0 процента; среди латышей - 1.280 и 51,2 процента.

Для сопоставления: в том же году смертность заключенных по ГУЛАГу

НКВД СССР в целом составила 17,6 процента (248.877 человек из 1.415.596 "единиц списочного состава").

Архив (на 01 августа 2001 года): всего по описи - 16.624 единицы хранения; в том числе архивные дела осужденных - 14.764 (9.953 - постоянного хранения, 4.811 - временного хранения), фонд секретариата - 1.860 (постоянного хранения - 1.213, временного хранения - 647).
Архивная картотека специального учета - более 442.000 единиц.

* * *

На протяжении ряда последних лет краеведами-любителями поселка Лесного (Верхнекамский район Кировской области, Россия) при содействии кафедры истории Вятского гуманитарного университета (город Киров-областной) ведется сосредоточенная работа по составлению Мартиролога - Поминальных списков Вятлага.

В списки заносятся имена граждан, которые в 1938-1956 годах содержались и погибли в этом лагере, будучи репрессированными по политическим мотивам (в том числе - по национальному признаку), а также тех, кто находясь здесь в качестве "следственно-заключенных" (по тем же основаниям), умерли (погибли) до вынесения формальных решений о применении к ним уголовного наказания.

Всего за обозначенный период на специальный учет Вятского ИТЛ были поставлены почти 180.000 человек (по категориям: "осужденные", "следственно-заключенные", "мобилизованные в трудовую армию и в рабочие колонны НКВД", "спецпереселенцы", "трудпоселенцы", "спецпоселенцы", "выселенцы", "ссыльнопоселенцы").

Не менее половины из них (90.000 человек) могут быть отнесены (в соответствии с действующим российским законодательством) к числу репрессированных по политическим мотивам.

Около 18.000 стали жертвами сталинско - советской лагерно - карательной системы.

В этом скорбном списке - имена более чем 2.500 латышей и жителей Латвии (седьмая часть его общего формата).

Уже один этот факт предполагает особое внимание составителей Мартиролога Вятлага к теме, являющейся предметом настоящего сообщения.

* * *

Хронологически в развитии этой темы прослеживается (с определенной мерой условности) несколько периодов.

1) Начало 1938 года - середина 1940 года.

Доставлены в лагерь - около 350 латышей.

Из них умерли (погибли) в лагере - не менее 52.

Уровень смертности - не менее 14,9 процента.

В этот период в Вятлаг направлялись прежде всего латыши, ставшие жертвами этнических "чисток": в основном - в соответствии с известными

решениями Политбюро ЦК ВКП(б) от 3 июля 1937 года и от 31 января 1938 года "Об антисоветских элементах", а также - по указанию НКВД СССР от 30 ноября 1937 года.

Это так называемые "контрреволюционные националистические элементы из числа лиц латышской национальности, проживающие на территории СССР", политэмигранты, потомки дореволюционных переселенцев из Латвии в другие местности бывшей Российской империи и т.п.

Решения о применении репрессий выносились, как правило, во "внесудебном порядке" ("особыми совещаниями" и "тройками" ОГПУ-НКВД) с жесткими карательными санкциями - от 5 до 10 лет "лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях".

(Следует отметить, что в СССР в 1930-1940 гг. правом применения уголовной кары были наделены более 20 судебных, административных и иных властных инстанций - от Верховного суда СССР до сельсоветов, при этом не менее половины из них действовали вне установленных законом уголовно-процессуальных норм, относились к числу так называемых "внесудебных органов").

Основные "обратные адреса этапирования" - Смоленская область (с районами, отошедшими позднее к Калужской и Псковской областям), Ленинградская область (включая Новгород и Псков), Горьковская (Нижегородская) область, Москва и Московская область, а также другие (всего более 30) регионы СССР - от Подолья на западе до Приморья на востоке и от Петрозаводска на севере - до Алма-Аты на юге.

Несколько бывших граждан Латвии, репрессированных еще в первой половине 1930-х годов за "шпионаж" и "контрреволюционную деятельность", доставлены в Вятлаг из Соловецкой тюрьмы особого назначения НКВД СССР (СТОН, Архангельская область) - при ее расформировании в конце 1939 года.

Находились среди доставленных в это время в лагерь и латыши - жители Вятского края.

Известно, что край этот издавна являлся территорией ссылки для лиц, неугодных сменявшим друг друга в России правителям и режимам.

Лиц таких всегда набиралось немало, в том числе и в западных губерниях империи, включая Прибалтику.

Латышская "колония" традиционно являлась одной из наиболее представительных среди национальных общин в Вятке (Кирове).

Кроме того, в начале XX века, в период "стольпинских реформ", на территорию нынешних северо-западных (Мурашинского и Опаринского) районов Кировской области (ранее - Северный край, затем - Архангельская область) было переселено немало прибалтов - эстонцев и латышей.

Эти люди освоили огромные пространства по притокам рек Кузюг и Молома, а затем показали отличный пример того, как надо распоряжаться этой землей: держали молочных коров, занимались бортничеством и овцеводством; из зерновых культур выращивали преимущественно ячмень, который на корню скупали архангельские (устюжские) и вятские (слободские) пивовары.

На карте края появились такие названия, как разъезд Латышский, лесопункт Нацменовский, а позднее (в 1930-е годы) - колхозы "Нацмен", "Интернационал", "Новая деревня"...

После "зачисток" 1930-х годов и военного лихолетья

"прибалтийские" хутора и поселения опустели, затянулись бурьяном, а затем покрылись зарослями осины, березы, ели...
(Маракулин П., литератор, краевед. Земля художников//Вятка: Краеведческий сборник. Вып.V. - Киров: 1981. С.60).

"Зачистки", как известно, основательно прошли по всей латвийской диаспоре в бывшем СССР и привели к тому, что ее численность сократилась со 151.000 человек в 1926 году до 128.000 - в 1939 году.
(См.: Смирин Г. Основные факты истории Латвии. - Рига: 1993. С.122-123).

Примечательно и еще одно обстоятельство.

На 1 мая 1938 года среди руководящих и оперативных работников Главного управления государственной безопасности НКВД СССР латыши составляли 3,3 процента (то есть более 70 человек из 2.159 штатных сотрудников центрального аппарата).

Прошло немногим более полутора лет - и к началу 1940 года количество латышей, которых традиционно было достаточно много в аппарате ВЧК-ОГПУ-НКВД-ГУГБ, сократилось до 0,1 процента.

(См.: ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои. - Франкфурт/М.-Москва: 1999. Сс.82, 84).

Кстати, одной из определяющих технико-экономических предпосылок развертывания на северо-востоке Кировской области крупного исправительно-трудового лагеря (Вятлага) явилось сооружение железнодорожной ветки "Яр-Фосфоритная", соединившей Верхнекамье с Транссибирской магистралью.

Инициатором и политическим куратором этого строительства был уроженец Латвии Эдуард Карлович Прамнек (Прамниекс, 1889-1938), латыш по национальности, член ВКП(б) с мая 1917 года, один из организаторов комсомола Латвии, комиссар отряда латышских стрелков, а в 1929 году - ответственный секретарь Вятского губкома - окружкома ВКП(б).

С именем Прамнека связано также снятие с консервации металлургических заводов Омутнинского уезда, организация на территории Вятского края леспромхозов, колхозов, совхозов (в том числе латышских), строительство машинно-тракторных станций.

Позднее он работал в Нижнем Новгороде и на Дону, с 1934 года - кандидат в члены ЦК ВКП(б), являлся членом ВЦИК и ЦИК СССР, депутатом Верховного Совета СССР первого созыва (1937 год), в том же году объявлен "врагом народа" и затем расстрелян.

Суть личной трагедии людей, к кругу которых принадлежал Э.К.Прамнек, с пронзительной лаконичностью и обреченностью выражена его земляком, членом Военной коллегии Верховного суда СССР корпусным военным юристом Л.Плавнеком в последнем слове, произнесенном на судебном заседании в июле 1938 года:

"...Я признаю себя виновным в совершении трех преступлений: во-первых, что я всю сознательную жизнь верно служил интересам рабочего класса; во-вторых, что я всегда, работая в ЧК, был беспощаден к врагам Советской власти, и, в-третьих, что я - латыш..."

По обвинению в "принадлежности к антисоветской латышской националистической организации" Л.Плавнек был приговорен к "высшей

мере социальной защиты" и расстрелян.

Характерно, что на заседании Военной коллегии, вынесшем смертный приговор Л.Плавнеку, председательствовал его земляк - бригадный военный юрист Рутман.

Через месяц - 20 августа 1938 г. - приговорен той же самой Военной коллегией Верховного суда СССР (под председательством еще одного уроженца Латвии - В.Ульриха) к высшей мере наказания и расстрелян...

(См.: Советский энциклопедический словарь. - М.: 1985. С.1048;

Энциклопедия Земли Вятской: Откуда мы родом? Т.6. Знатные люди. - Киров: 1996. Сс.356-357; Поляков Н., Карышев М. Тот самый Ульрих// Социалистическая законность. 1991. N 3. Сс.64-68).

Перманентная внутренняя война, развязанная на пространстве бывшего СССР его большевистско-сталинским руководством, могла затянуть в свою кровавую круговерть любого человека - вне зависимости от национальности, социального происхождения и положения, политической принадлежности и даже гражданского статуса.

Безмерно широкая дорога в "мир голодных и рабов" - в бездонную гибельную прорву ГУЛАГа - не пустовала ни минуты.

И одно из ответвлений этого скорбного пути вело к затерянным в кайских болотах, убогим барачно-палаточным застенкам Вятлага...

Это был самый тяжелый (исключая первые годы войны) период в истории лагеря - время его создания.

Все приходилось начинать с нуля: прием и размещение осужденных, подбор кадров, строительство лагпунктов и прилегающих к ним поселений для сотрудников, производственное освоение местности в тайге, прокладку железной дороги...

Впоследствии эту магистраль (от станции Верхнекамской до села Усть-Кулом на реке Вычегде в Республике Коми) длиной около 260 километров планировалось, видимо, использовать для осуществления проекта "поворота северных рек".

На Вычегде и Печоре намечалось возведение плотин с электростанциями.

Однако проект еще до войны был признан "порочным" и вместо него решили начать "особое строительство НКВД N 4 оборонного значения" - сооружение Кайского целлюлозного завода (ныне - поселок Созимский Верхнекамского района).

Назначение завода понятно: кремлевские "борцы за мир" активно готовились к новой большой войне, а для нее требовался (и в огромных количествах) порох, сырьем для производства которого и должна была служить продукция завода, возводимого рабским трудом вятлаговских узников.

Анархии и беспорядка в это время в лагере "хватало через край".

Арестантов ("рабсилу" или "исполнителей программы") тогда не жалели: их поступало предостаточно...

(См.: Бердинских В. История одного лагеря. - М.: 2001. Сс.293-294).

2) Вторая половина 1940 года - середина 1941 года.

Среди вновь доставленных в лагерь - жители Латвии, репрессированные после вступления в нее советских войск и провозглашения Латвийской ССР: государственные служащие, сотрудники правоохранительных и силовых структур упраздненного режима, офицеры и младшие командиры латвийской армии, бывшие функционеры запрещенных политических партий и общественных организаций, члены семей всех перечисленных категорий и т.п - всего около 150 человек.

Продолжают прибывать в Вятлаг и лица, интернированные в предшествующее время (бывшие партийные, советско-административные и хозяйственные работники, военнослужащие Красной Армии и другие "лица латышской национальности").

Основные составы обвинений: "сотрудничество с международной буржуазией" (пункт 4 статьи 58 Уголовного кодекса РСФСР редакции 1926 года), "шпионаж" (пункт 6 той же статьи), "участие в контрреволюционных организациях и партиях" (пункт 11), "борьба против революционного движения" (пункт 13).

Среди субъектов уголовной репрессии (наряду с "несудебными органами") более заметна роль судов общей юрисдикции и специальных судебных коллегий (включая военную коллегия Верховного суда СССР), что можно объяснить особым и высоким должностным положением и общественным статусом целого ряда "объектов" применения "революционной законности".

Умерли в лагере в период с июля 1940 года по июль 1941 года (включительно) - 12 латышей.

3) Вторая половина 1941 года.

Самое значительное за всю историю Вятлага поступление в лагерь репрессированных жителей Прибалтики, прежде всего - Латвии.

Особо выделяются три массовых этапа: 9 и 13 июля 1941 года - из Юхновского ИТЛ НКВД СССР (бывший лагерь для польских военнопленных, располагавшийся на территории ранее Смоленской, ныне - Калужской области), а также 10 июля - из Риги.

В составе этих этапов - интернированные в середине июня того же года (во исполнение известного постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП/б/ от 15 мая 1941 года), отнесенные (в основном) к категории "А" (главы семей из "социально опасного элемента").

Общий количественный состав прибывших (регистрация по прибытию) - 2.847

в том числе:

- мужчины - 2.758 (96,9%)
- женщины - 89 (3,1%)
- жители Литвы - 2 (0,1%)
- жители Эстонии - 54 (2,0%)
- жители Латвии - 2.791 (98,0%)

Поэтапный количественный учет "спецконтингента":

- 9 июля 1941 года, среда, из Юхновского ИТЛ - 1.419 (49,8%)

в том числе: мужчины - 1.334 (94,0%)

женщины - 85 (6,0%)

- 10 июля 1941 года, четверг, из Риги - 310 (10,9%)

в том числе: мужчины - 306 (98,7%)
женщины - 4 (1,3%)
жители Литвы и Эстонии - 56 (18,1%)
- 13 июля 1941 года, воскресенье,
из Юхновского ИТЛ - 1.118 (39,3%)
в том числе: мужчины - 1.118(100,0%)

Прибыло (учтено) жителей Латвии - 2.791(100,0%)
в том числе: мужчины - 2.702 (96,8%)
женщины - 89 (3,2%)

Некоторое число латышей было доставлено в Вятлаг в последующие месяцы 1941 года - в составе заключенных, эвакуированных из лагерей и тюрем НКВД, которые оказались в прифронтовых зонах: Беломорско-Балтийский комбинат (Карелия), Свирьлаг (Ленинградская область) и др.

Все эти этапы прибывали в крайне тяжелом физическом состоянии и принесли с собой резкий рост заболеваемости и смертности в лагере.

Последний крупный этап 1941 года прибыл в Вятлаг 29 декабря из Кировской пересыльной тюрьмы: его составляли преимущественно интернированные в июне жители Эстонии, но среди них находилось также несколько уроженцев и граждан Латвии.

Доставленные в Вятлаг 9-13 июля 1941 года латыши (2.791 человек) были размещены (за единичными исключениями) на 7-м лагерном пункте, расположенном у линии железной дороги (бывший поселок Ягодный, в настоящее время ликвидирован и разрушен) - в 6 километрах севернее центрального поселка лагеря ("Соцгородок" - Лесной).

Все вновь прибывшие были взяты на специальный учет по категории "следственный контингент" - как обвиняемые в "контрреволюционной деятельности" (по составам статьи 58 Уголовного кодекса РСФСР) и/или как "СОЭ/СВЭ" ("социально опасный/социально вредный элемент") - по статьям 7-35.

Производство следствия по делам этой категории заключенных было возложено на специальную группу НКВД Латвийской ССР; руководитель группы - капитан государственной безопасности Веверс (по некоторым данным - бывший заместитель начальника одного из сибирских лагерей НКВД СССР).

Материалы следственных дел (включая постановления об избрании меры пресечения - аресте), оформлялись, как правило, в Вятлаге, "постфактум" (осенью 1941 года), грубо нарушались и другие установленные законом уголовно-процессуальные нормы.

Из общего количества доставленных в Вятлаг этапами 9-го, 10-го и 13 июля 1941 года:

- 4,1 процента (114 человек, в том числе одна женщина) в октябре-ноябре 1941 года были приговорены постоянной сессией судебной коллегии по уголовным делам Кировского областного суда при Вятлаге к "высшей мере социальной защиты/уголовного наказания" (расстрелу) и отправлены 10 ноября 1941 года в тюрьму N 1 города Кирова - "для

приведения приговора в исполнение" (см. Ежегодник Латвийского музея оккупации. 2001. - Рига: 2002, сс.160-176);

- не менее 1.600 человек (57,3 процента) умерли в 1941-1943 годах (до вынесения решений по следственным делам, то есть до формального юридического оформления уголовного наказания);
- не менее 574 человек (20,6 процента), подвергнутых в 1941-1943 годах (как правило, в несудебном порядке - "Особым совещанием при НКВД СССР") различным срокам лишения свободы, умерли в лагере до освобождения;
- остальные 492 человека (17,6 процента) были освобождены досрочно ("по состоянию здоровья", "условно" и т.п.), "по истечению сроков наказания" либо отправлены "за пределы Вятлага" (в другие лагеря, в ссылку и по "иным основаниям").

11 человек (0,4 процента) зарегистрированы как "прибывшие в Вятлаг", однако, по невыясненным пока причинам, учетные данные на них (карточки, личные дела) в архиве лагеря отсутствуют.

Зафиксировано несколько попыток побегов из-под стражи; все они "ликвидированы", за исключением одного случая - когда бежавший не был возвращен в лагерь и признан "без вести отсутствующим".

Таким образом, достоверно установленные общие "безвозвратные потери" среди доставленных в Вятлаг этапами 9-го, 10-го и 13-го июля 1941 года жителей Латвии составили не менее 2.288 человек, или 82,0 процента от числа "прибывших и поставленных на спецучет".

Показатель экстраординарный - даже для статистики военных потерь (см.: Урланис Б.Ц. История военных потерь. - СПб.: 1994. С.478).

В советском (да и в современном) "гулаговедении" имелись (и во многом сохранились) свои оценки на сей счет (см., например: Кузьмин С. Лагерники (ГУЛАГ без ретуши)//Молодая гвардия. 1993. N 5-6. С.174).

Но совокупность фактов (в том числе - из документальных материалов Вятлага) убеждает: гибель в ГУЛАГе для его узников в 1941-1943 годах была ничуть не менее вероятной, чем для солдат на передовой...

4) Конец 1941 года - 1944-й год.

Зафиксировано относительно небольшое число доставленных в Вятлаг "лиц латышской национальности" и жителей Латвии (около 200 человек). В основном - это военнослужащие РККА, а также лица из числа эвакуированных с территории Латвии перед ее оккупацией германскими войсками.

Отправные пункты этапирования: Вологда, Ярославль, Киров, Иваново, Горький (Нижний Новгород) и другие города северо-запада и центра России.

Среди оснований применения уголовной репрессии преобладают обвинения по составам "контрреволюционных преступлений", предусмотренных пунктом 1-б статьи 58 Уголовного кодекса РСФСР ("измена Родине, совершенная военнослужащим") и пунктом 10-2 статьи 58 ("антисоветская пораженческая агитация в условиях военного времени").

Основные субъекты репрессий: военные трибуналы общевойсковых объединений и подразделений (фронтов, флотов, армий, корпусов, бригад, дивизий, гарнизонов и т.п.), действовавшие по территориальному

принципу (в республиках, краях, областях, фронтах и округах) военные трибуналы войск НКВД, а также транспортные трибуналы (железных дорог и водных бассейнов).

Сроки уголовных наказаний составляют, как правило, не менее 10 лет лишения свободы с последующим поражением в гражданских правах.

Этот период отмечен наиболее высокой смертностью среди узников Вятлага, прежде всего - по контингенту "контрреволюционные элементы", к которым причислялось и подавляющее большинство заключенных-латышей. За время с ноября 1941 года по декабрь 1943 года в лагере погибло не менее 2.060 человек из этой категории, что составляет почти 81,0 процента от общего числа жертв среди латвийского "спецнаселения" Вятлага.

Данные выборочного анализа документов из архивных личных дел заключенных - латышей (актов о смерти) свидетельствуют, что преобладающими причинами высокой летальности являлись: поражения органов дыхания (пневмония, туберкулез легких и др.) - 55,1 процента случаев; физическое истощение (авитаминоз, пеллагра, дистрофия) - 51,7 процента; патология сердечно-сосудистой системы (миокардит, артериосклероз и т.п.) - 48,2 процента; заболевания органов пищеварения (колит, энтерит и др.) - 27,6 процента (как правило, в актах о смерти зафиксировано не менее двух патодиагнозов).

Преобладание среди причин смертности респираторных заболеваний можно (в определенной степени) объяснить необычайно суровой зимой 1941-1942 годов.

Эта зима до сих пор считается самой холодной за весь период метеонаблюдений в Вятском крае и в Кировской области.

Средняя температура воздуха в ноябре 1941 года - марте 1942 года составила минус 15,1 градуса по Цельсию, что почти на 5 градусов ниже нормы.

Очень холодными были декабрь и январь (на 6-9 градусов ниже средних показателей).

Например, с 16 по 25 января 1942 года непрерывно наблюдались температуры ниже минус 26 градусов, а минимум доходил до 40 градусов.

В эту же зиму выпало очень мало снега - в среднем всего 53 миллиметра в месяц при "нормальных" значениях - 66 миллиметров (см.: Климат Кирова. - Ленинград: 1982. С.96).

Однако не только (и не столько) природно-климатические факторы сыграли главную зловещую роль в судьбе тысяч жертв Вятлага.

Истинные причины их гибели гораздо глубже и многообразнее.

Они заложены в самой советско-сталинской лагерной системе, в ее изначальной заданности не на собственно пенитенциарные цели (исправление, перевоспитание, социальную и моральную реабилитацию осужденных), а на изматывающее "трудоиспользование" последних (действительно преступивших закон и абсолютно безвинных) "в интересах народного хозяйства и обороны страны", на жестокую кару, по сути - расправу над попавшим в гулаговские тенета человеком, унижение, отчуждение, нравственное, а зачастую - физическое его уничтожение. Это - антигуманизм в одном из самых крайних, отчетливых и откровенных своих проявлений.

Приведем всего лишь одно свидетельство - из множества подобных. Принадлежит оно узнику Вятлага 1941-1944 годов Димитрию Михайловичу Панину:

"...В лесных лагерях большинство уже сильно истощенных в тюрьме и на этапе людей добивали работой на лесоповале в течение двух недель-месяца.

Газ [нацистских концлагерей. - В.В.] там заменялся:

- ничтожным пайком, убийственным и безо всякой работы;
- отсутствием лагерной одежды (каждый оставался, в чем приехал);
- абсолютно невыполнимыми в тех условиях нормами выработки;
- расстоянием до места работы в 8-9 километров, которые приходилось проделывать дважды в день, часто по заснеженной целине;
- страшными морозами зимой 1941-1942 года, когда температура воздуха была 35 градусов по Цельсию ниже нуля...; активировок же не производили, то есть выгоняли в любой момент на работу;
- работой без выходных дней...;
- полчищами клопов, а нередко и вшей;
- холодом в бараках.

Повторяю, двух недель-месяца такой работы было вполне достаточно, чтобы окончательно вывести человека из строя.

По истечению этого срока зэк терял остаток сил, не мог уже дойти до делянки, а чаще всего - и выстоять развод.

После этого он умирал медленной смертью...".

(См.: Панин Д.М. Лубянка-Экибастуз: Лагерные записки. - М.: 1990).

Следует отметить, что несмотря на чудовищные условия содержания в военные годы, каких-либо попыток организованного сопротивления властям среди латышей в Вятлаге не зафиксировано.

Хотя в других лагерях (Усольском, Ныробском, Нижне-Амурском, Сибирском, Унженском, Мурманском, Усть-Вымском, Онежском, Красноярском, Воркутинском и некоторых других) такого рода явления имели место среди отдельных (в том числе национальных) категорий заключенных.

Всего за 1941-1945 годы в ГУЛАГе были "выявлены" среди "спецконтингентов" 603 "антисоветские организации и группы" с участием в них 4.640 человек.

Дела о "подпольных антисоветских организациях" разрабатывались и оперативно-чекистским отделом Вятлага: дело "группы немцев-эмигрантов" (6 человек, все приговорены к расстрелу), дело "группы Панина" (28 человек, все подвергнуты длительным дополнительным срокам лишения свободы) и т.п.

Обвинения при этом были явно "натянутыми" и не имели объективной доказательной базы.

Тем не менее, в целях "пресечения антисоветских проявлений" и "укрепления дисциплины", в лагерях НКВД, в том числе и в Вятлаге, в военные годы принимались дополнительные и весьма жесткие меры. Так, в феврале 1942 года была введена "Инструкция о режиме содержания и охране заключенных в исправительно-трудовых лагерях и колониях НКВД СССР в военное время".

Она наделяла оперативно-служебные наряды охраны правом в ряде случаев применять оружие без предупреждения (при побеге и преследовании заключенных, при нападении на администрацию и конвой).

При открытом сопротивлении заключенных охрана лагеря имела право применять оружие после двукратного предупреждения.

Допускалось применение оружия и при отказе заключенных приступить к работе.

Неприменение же оружия, когда к этому вынуждала обстановка, могло повлечь за собой судебную или административную ответственность со стороны охраны, что, как можно представить, открывало широкую дорогу для произвола.

Вместе с тем - на фоне катастрофического сокращения "рабочей силы" - в лагерях предпринимались вынужденные попытки для поддержания "трудоспособности" заключенных.

В частности, по указанию ГУЛАГа НКВД СССР, с января 1943 года для лагерников были установлены 3 выходных дня в месяц, а нормы выработки приведены в соответствие с действовавшими в аналогичных отраслях производства на "воле".

Вводятся оплата за простой вследствие неблагоприятных погодных условий, перерывы в работе на морозе - "для обогрева".

Время, затрачиваемое для движения к объектам труда на расстояние сверх трех километров, включается в рабочий день.

Предписывается "производить расстановку заключенных на работах в строгом соответствии с определенной для них категорией трудопригодности".

В апреле 1943 года для заключенных лесных лагерей, в том числе Вятлага, снижаются на 25 процентов применяемые нормы выработки Наркомлеса СССР - при сохранении денежного поощрения на прежнем уровне.

Из "центра" чередой следуют указания об "изыскании возможностей для улучшения питания заключенных за счет местных ресурсов", о "сборе дикорастущих ягод, грибов и трав", о "развитии рыбного хозяйства" и т.д.

На все категории "спецконтингента" распространяется право перевода части заработанных денег родственникам.

Организуются так называемые "оздоровительно-профилактические пункты" - для "восстановления сил в карантине с последующим медицинским освидетельствованием и установлением категории трудопригодности".

Заключенным всех лагерей и колоний разрешается покупка за личные деньги два раза в декаду продуктов и табака на ближайших колхозных и местных рынках - через специально выделенных вольнонаемных сотрудников и лагерников-"бытовиков".

(См.: Органы и войска МВД России: Краткий исторический очерк. - М.: 1996. Сс.369-370; Земсков В.Н. ГУЛАГ, где ковалась победа// Родина. 1991. N 6-7. С.69).

Все эти и другие (хотя и весьма запоздалые, а зачастую - декларативные) меры тем не менее позволили к 1945 году приостановить эскалацию смертности заключенных в лагерях.

В Вятлаге она составляла: в 1944 году - 1.380 человек (сокращение по сравнению с 1943 годом - более чем в 4 раза, а с 1942 годом - более чем в 6,5 раза); в 1945 году - около 450 человек (сокращение по сравнению с 1944 годом - более чем в 3 раза, с 1943 годом - более чем в 12,5 раза, с 1942 годом - более чем в 20 раз).

В то же время (в соответствии с директивой НКВД СССР и Прокуратуры СССР от 29 апреля 1942 года N 185) внедряется и расширяется противозаконная практика закрепления за лагерями в качестве вольнонаемных работников так называемых "директивников" - бывших заключенных, после отбытия ими срока уголовного наказания, что означало, по сути, продление этого срока на неопределенный период. В Вятлаге к этой категории уже в 1942 году было отнесено несколько сотен человек, с наращиванием этого числа в последующие (1943-1946) годы.

Около 500 "директивников"-мужчин были мобилизованы в действующую армию, для остальных, участь которых разделили несколько десятков латышей, желанный день освобождения из неволи отдалился еще на долгие месяцы, а то и годы...

5) 1945-1955 годы.

Вновь - поступление в Вятлаг массовых этапов с "латвийским спецконтингентом".

Особо выделяются из них следующие:

- 16 апреля 1947 года, отправной пункт - Рига, численность поставленных на специальный учет Вятского ИТЛ - 300 человек, в том числе 86 женщин;
- 3 января 1948 года, "отправитель" - ОИТК МВД Латвийской ССР, численность - 248 человек, в том числе 178 женщин, размещение по прибытию - 12 лагпункт (станция Има, ветка N 15);
- в тот же день - этап из Риги, численность - 253 человека (только мужчины), размещение - 16 лагпункт (станция Раздельная, Гидаевская ветка);
- 20 марта 1948 года - из Риги, численность - 601 человек, в том числе 167 женщин, размещение - 3 лагпункт (станция Малый Созим);
- 23 мая 1949 года - из ОИТК МВД Латвийской ССР (пересыльная тюрьма), численность - 32 человека (только женщины), размещение - 3 лагпункт (станция Малый Созим);
- 24 мая 1949 года - из ОИТК МВД Латвийской ССР (пересыльная тюрьма), численность - 468 человек (только мужчины), размещение - 6 лагпункт (поселок Брусничный);
- 10 февраля 1951 года - из ОИТК МВД Латвийской ССР (пересыльная тюрьма), численность - 189 человек (только мужчины), размещение - 6 лагпункт (поселок Брусничный);
- 20 апреля 1952 года - из ОИТК МВД Латвийской ССР (пересыльная тюрьма), численность - 232 человека, в том числе 3 женщины;
- 6 мая 1952 года - из ОИТК МВД Латвийской ССР (пересыльная тюрьма), численность - 27 человек, в том числе 6 женщин, размещение - 6 лагпункт (поселок Брусничный).

Всего из перечисленных девяти "латвийских" этапов поставлены на специальный учет Вятлага - 2.350 человек, в том числе 472 женщины.

Кроме этого в 1945-1952 годах доставка в Вятский ИТЛ осужденных из числа "лиц латышской национальности" и жителей Латвии осуществлялась также этапированием из других регионов, тюрем и лагерей СССР.

Установить точное число лиц указанной категории пока не представилось возможным.

По предварительным (экстраполированным) данным, оно может составлять около 150 человек. (Архив Вятского УЛИУ - Учреждения К-231, фонд специального учета, книги регистрации вновь прибывающего спецконтингента, NN 13, 14, 15, 17, 19).

Таким образом, общее количество заключенных-латышей, этапированных в Вятлаг в 1945-1952 годах, составило не менее 2.500 человек.

В "категорийном" составе доставленных в этот период в Вятлаг латышей (имея в виду репрессированных за "контрреволюционные преступления") преобладают: в 1945 году - выявленные на ранее оккупированных нацистской Германией и ее союзниками территориях так называемые "коллаборанты" ("лица, служившие в специальных воинских формированиях вермахта и СС", "полицейские", "пособники оккупантов" и т.п.); в 1946-м году и в последующее время - "участники националистического антисоветского подполья" на территории Латвии, "члены националистических бандитских формирований", "бандпособники" и члены их семей.

Наиболее распространенные составы обвинений: "измена Родине" (пункт 1-а статьи 58 УК РСФСР), "недонесение о контрреволюционном преступлении" (пункт 12 статьи 58).

Превалирующая мера уголовного наказания: 25 лет лишения свободы с поражением в гражданских правах и конфискацией личного имущества. В общем числе вновь поступающих в лагерь заключенных заметно увеличилась категория осужденных за "общеуголовные" и "бытовые" преступления.

Несколько изменился (в сторону "омоложения") возрастной состав этаплируемых.

Эти обстоятельства, а также ряд других причин вызвали известное осложнение криминогенной обстановки, а в ряде лагпунктов привели в 1953-1954 годах к серии массовых беспорядков и случаев организованного неповиновения.

Претерпел существенные изменения режим содержания заключенных. Утвержденная в 1947 году новая "Инструкция по режиму содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях и колониях МВД СССР" восстановила довоенный порядок содержания лагерников - по видам режима (усиленный и строгий).

Предусматривалось раздельное содержание четырех категорий осужденных:

1) за "контрреволюционные преступления" (именно к этой категории относилось подавляющее большинство латышей);

- 2) за бандитизм;
- 3) по указам Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года и от 26 декабря 1941 года ("нарушения трудовой дисциплины"; "уклонение от выполнения трудовой повинности");
- 4) все остальные.

Заключенные размещались в специально оборудованных бараках - с решетками на окнах, "глазками" в дверях и другими приспособлениями. В ночное время бараки запирались на замок.

Отменялось расконвоирование.

Вводились ограничения в переписке и свиданиях (дозволялось отправлять одно письмо в три месяца и иметь два свидания в год с родственниками продолжительностью от одного часа до трех часов).

Предусматривался безналичный расчет за приобретение в лагерных ларьках продуктов питания и предметов первой необходимости - на сумму до 25 рублей.

Устанавливалась повышенная дисциплинарная ответственность заключенных, запрещалось выводить их на объекты трудоустройства вместе с вольнонаемными работниками и с солдатыми, содержащимися на других видах режима.

Для заключенных определялись следующие виды взысканий:

- лишение права приобретать продукты питания на срок до трех месяцев;
  - лишение права на переписку с родственниками на срок до одного года;
  - водворение в карцер (ШИЗО) на срок до 15 суток, а при повторном нарушении - перевод на штрафной режим на срок до двух месяцев.
- При обнаружении в бараке запрещенных предметов (если их владельцы не установлены) все обитатели этого барака переводились на штрафной паек - сроком на пять суток с выводом на работу.
- Лица, переведенные на штрафной режим, содержались в камерах по 10-15 человек.

"Штрафники" не имели права выходить из камер, им запрещалось курить, получать посылки.

К ним применялись повышенные меры безопасности - в виде конвоирования на работу и с работы в наручниках.

Если же и это не оказывало должного воздействия, то ставился вопрос о переводе таких лиц в тюрьму.

В феврале 1948 года Совет Министров СССР принял постановление "Об организации лагерей и тюрем для содержания особо опасных категорий преступников", в соответствии с которым в МВД СССР создаются особые тюрьмы (Владимирская, Александровская, Верхнеуральская), предназначенные для содержания "диверсантов, националистов и участников антисоветских организаций".

16 марта того же года принимается совместное решение МВД, МГБ и Генерального прокурора СССР "Об организации особых лагерей и тюрем МВД для содержания особо опасных государственных преступников и о направлении последних после отбытия наказания в ссылку на поселение под надзор органов МГБ".

Для реализации этой директивы были предназначены несколько особых

лагерей: Минеральный (Коми АССР), Горный (Красноярский край), Дубравный (Мордовская АССР), Степной, Песчаный и Луговой (Казахстан, Карагандинская область), Береговой (Магаданская область), Озерный (Иркутская область) и другие.

Поскольку к категориям "государственных преступников"

причислялась значительная часть содержащихся в Вятлаге в эти годы латышей, многие из них были отправлены во вновь созданные особые тюрьмы и лагеря.

Так, из числа депортированных в июне 1941 года были отправлены (1949-1951 годы): в Песчаный ИТЛ - 45 человек, в Минеральный ИТЛ - 29, в Луговой ИТЛ - 13, в Дубравный ИТЛ - 5, в другие лагеря (в ссылку на поселение) - 58, в сумме - 168 человек.

Освобождение из лагеря в эти годы носило, как правило, "условный" характер.

Например, количество "освобожденных" в этот период латышей (266 человек из категории "осужденные") составило менее 9,8 процента от общего списка доставленных в июле 1941 года в Вятлаг интернированных жителей Латвии.

Из них право возвращения непосредственно из Вятлага к прежнему месту жительства (в Латвию) получили лишь 39 человек (чуть более 1,4 процента от числа этапированных в Вятский ИТЛ и менее 14,7 процента - от общего состава "освобожденных" по этой категории).

Количество же "освобожденных" по категориям "подследственные" и "осужденные" (296 человек) составляет около 10,8 процента от общего списка доставленных в июле 1941 года в Вятлаг интернированных жителей Латвии.

Из них право возвращения непосредственно к прежнему месту жительства получили те же 39 человек - менее 13,2 процента от общего состава "освобожденных".

Число латышей, умерших в Вятлаге в 1945-1956 годах, - 55 (2,3 процента к общему количеству летальных случаев среди этой категории заключенных за 1938-1956 годы).

* * *

Итак, за период с февраля 1938 года по начало 1956 года в Вятлаг были доставлены около 6.000 латышей, репрессированных по политическим мотивам.

В том числе: с февраля 1938 года по июнь 1941 года включительно - около 500 человек; с июля 1941 года по май 1945 года - не менее 3.000; с июня 1945 года по 1955 год - не менее 2.500 человек.

Из них умерли в лагере и расстреляны - не менее 2.544 человек, то есть не менее 42,4 процента от числа поставленных на специальный учет в Вятлаге.

В общем количественном составе "Мартиролога Вятлага" (более 18.000 персоналий) на долю лиц латышской национальности (не менее 2.213 человек, включая латгальцев) приходится не менее 12,1 процента. Латыши составляют в этом мартирологе третью национальную

категорию - после русских (8131 человек, 44,6 процента) и немцев (2310 человек, 12,7 процента).

Жители Латвии (не менее 2.336 человек, 12,8 процента) представляют собой наиболее многочисленную (в территориальном срезе) общность жертв Вятлага - среди обитателей более чем 150 других регионов бывшего СССР (республик, краев и областей).

"Латвийский мартиролог" Вятлага является отнюдь не моноэтническим: в нем представлены 11 национальностей.

Абсолютно преобладают латыши и латгальцы (87,0 процента), далее (по убывающему вектору) следуют: евреи (139 человек, или 5,5 процента), русские (соответственно 121 и 4,8), поляки (30 и 1,2), немцы (19 и 0,7), белорусы (10 и 0,4), цыгане (5 и 0,2), литовцы (4 и 0,2), украинцы (3 и 0,1), эстонцы (1 человек и 0,03 процента).

Эти данные (в общем и целом) как по структуре, так и по относительным параметрам соответствуют (или близки) статистическим сведениям о национальном составе населения предвоенной Латвии (см.: Ежегодник Латвийского музея оккупаций. 2001. - Рига: 2002. С.95).

Существенным является и то, что удельный вес жителей Латвии титульной национальности среди погибших в Вятлаге земляков (87,0 процента) значительно превосходит их относительную численность (75,5 процента) в довоенном населении республики.

В подавляющем большинстве своем латыши и жители Латвии, доставленные в Вятлаг и погибшие в этом лагере (2.538 человек), зарегистрированы здесь по специальному учету как "граждане (подданные) СССР".

Исключение составляют всего 6 человек (0,2 процента общего состава), которые зарегистрированы как "граждане Латвии на день ареста".

Вместе с тем, судя по изученным личным делам арестантов, этапированных из Латвии в июне-июле 1941 года, они не имели советских паспортов - в их анкетно-учетных данных указываются только реквизиты соответствующих латвийских документов, выданных еще до июня 1940 года. Советские же паспорта оформлялись (разумеется, тем, кому довелось выжить в лагере) лишь при освобождении из-под стражи, то есть не ранее 1943 года.

В общем "латвийском списке" Вятлаговского мартиролога подавляющее большинство составляют уроженцы и жители Латвии - соответственно 92,0 и 90,0 процента.

Представительство по регионам республики выглядит следующим образом: Курземе - 33,3 и 37,8 процента; Земгале - 25,9 и 28,6; Латгале - 17,3 и 22,1; Видземе - 15,3 и 10,3.

По уездам (административно - территориальное деление на 1 января 1940 года) эти данные составляют: Лиепайский - 11,2 и 12,4 процента; Рижский - 8,2 и 8,1; Даугавпилсский - 7,5 и 10,8; Вентспилсский - 7,5 и 9,0; Елгавский - 6,6 и 8,5; Бауский - 6,6 и 6,6; Кулдигский - 6,2 и 6,7; Резекненский - 5,7 и 6,6; Екабпилсский - 5,1 и 5,4; Тукумский -

5,1 и 5,3; остальные 9 уездов - 30,3 и 20,6 процента.

Таким образом, на долю территорий с традиционно преобладающей протестантской конфессиональной ориентацией приходится почти 70 процентов уроженцев и около 80 процентов жителей Латвии.

Анкетные данные свидетельствуют о широте географии мест рождения и жительства.

Помимо Латвии здесь упоминаются 45 регионов и территорий Российской империи и СССР, в числе которых соседние прибалтийские республики (Литва и Эстония), 26 регионов России (преимущественно Смоленская область, города Москва и Санкт-Петербург/Ленинград с окрестностями), 7 областей Украины, 5 - Белоруссии, Азербайджан, Грузия и Казахстан, а также 3 зарубежных государства (Германия, Польша и Финляндия).

Половозрастной состав "скорбного списка": мужчины - 2.497, женщины - 47.

Уровень смертности (июльские этапы 1941 года): среди мужчин - 82,3 процента; среди женщин - 32,6 процента.

Абсолютное большинство (свыше 90 процентов) составляют люди трудоспособного (по советским нормативам) возраста - до 60 лет. Преобладающий возраст - от 30 до 40 лет (64,0 процента).

На лиц пожилого и преклонного возраста (старше 60 лет) приходится 9,1 процента.

Около 7 процентов - моложе 30 лет.

Сведения о "социальном происхождении" (графа 4 картотечно-строевого учета) имеются для 2.485 человек (у 59 человек указанная графа не заполнена).

Согласно применявшейся в сталинско - советские времена социально - демографической классификации, могут быть отнесены (в целом по списку, среди подсудимых и среди осужденных):

- к выходцам из "социально близких слоев" (рабочих, крестьян - батраков, бедняков, середняков, рыбаков) - соответственно 1791, 1125 и 666 человек, или 70,4; 70,3 и 70,6 процента, то есть абсолютное большинство номинантов "латвийского списка" Вятлага;
- к выходцам из "социально далеких (чуждых) слоев" (дворян; буржуазии /собственников/; духовенства; мелкой буржуазии /крестьян-кулаков, крестьян-арендаторов, ремесленников-кустарей, служащих, мещан/; деклассированных элементов /кочевников-цыган/) - соответственно 694, 473 и 221 человек, или 27,3; 29,6 и 23,4 процента, то есть абсолютное меньшинство.

Несколько иначе выглядят данные о "социальном положении".

Здесь относительное большинство (957 человек, или 36,8 процента) составляют те, кого можно отнести к так называемому "третьему сословию": служащие, предприниматели, ремесленники, творческая интеллигенция, духовенство.

Далее следуют крестьяне (земледельцы) - 808 человек (31,8 процента) и рабочие (373 человека - 14,7 процента).

По всей видимости, "социальное происхождение" отнюдь не являлось определяющим критерием при осуществлении политической репрессии, хотя и учитывалось в качестве некоего "дополнительного аргумента" для ее применения в том или ином конкретном случае.

Здесь, очевидно, имели силу некие иные "мотивы" - социально-имущественное положение, политическая ориентация и т.п.

Этот вывод подтверждают, в частности, сведения "особого учета" (графа "специальные указания") и данные по графе 7 ("бывшая партийность").

В первом случае (41 учетный вариант) "зафиксированы" 699 человек (30,6 процента списочного состава).

Из них: "кулаки" - 381 (54,5 процента "спецучтенных"), "торговцы и собственники" - 129 (18,4), "полицейские" - 79 (11,3), "военнослужащие" - 77 (11,0), "чиновники" - 14 (2,0), "священники" - 5 (0,7), "агенты зарубежных государств" - 2 (0,3), "уголовники-рецидивисты" - 2 (0,3), "лица без определенных занятий и без определенного места жительства" - 10 (1,4 процента).

В "графе 7" упоминаются 35 политических партий и организаций, общественных, конфессиональных, культурных, профессиональных, спортивных и других объединений.

К членам их причислены 1.222 человека - 48,0 процента списочного состава.

В том числе: организация "айзсаргов" (по учетным документам - "военно-фашистская организация айзсаргов") - 987 человек (38,8 процента), партия "Крестьянский союз" - 146 (5,7), Социал-демократическая партия Латвии - 16 (0,6), ВКП(б) - 14 (0,6), партия "Демократический центр" (Латвия) - 9 (0,4), Партия новохозяев и малоземельных (Латвия) - 8 (0,3), другие партии и организации - 42 человека (1,7 процента).

При этом зарегистрированы как беспартийные - 1.151 человек (45,2 процента), в 171 учетной карточке (6,7 процента) "графа 7" не заполнена.

Всего же по двум приведенным выше статьям учета "особо неблагонадежного элемента" проходит 1.921 человек, или 75,5 процента списочного состава.

Следует иметь в виду, что эти данные не являются исчерпывающими: поскольку частично учетные документы составлялись со слов самих интернированных, вполне допустимо предположить, что пользуясь ситуацией, последние старались не называть тех сведений о себе и не приводить таких фактов биографии, которые могли бы еще более усугубить их положение в лагере.

Весьма примечательны и результаты анализа образовательного уровня "латвийского контингента" в Вятлаге.

По классификации, применявшейся в СССР, они выглядят следующим образом: лица с высшим образованием - 5,8 процента, с незаконченным высшим, средним и неполным средним образованием - 42,5 процента, с

начальным и низшим образованием - 44,8 процента.

Аналогичные показатели среди личного состава Вятлага (включая вольнонаемных работников) на 1 июля 1941 года составляли соответственно - 1,3; 23,7 и 75,0 процента, а в целом по СССР (среди занятого населения, 1939 год) - 1,3; 11,0 и 87,7 процента.

Таким образом, удельный вес лиц с высшим образованием среди исследуемого контингента был почти в 4,5 раза выше соответствующих показателей по Вятлагу и СССР, лиц со средним образованием - в 1,8 раза и в 3,9 раза выше, а с начальным и низшим образованием - в 1,7 раза и в 2,0 раза ниже аналогичных данных для личного состава Вятского ИТЛ и всего занятого населения СССР.

Весьма разнообразен профессиональный состав (145 различных вариантов) и перечень видов деятельности на день ареста (230 вариантов).

Показательно, что более половины (57,7 процента) имели специальное образование различного уровня либо профессиональную квалификацию.

Статистически содержание пунктов 9 и 10 строевого учета ("профессия", "специальность") раскладывается следующим образом:

- агропромышленная сфера - 832 человека (32,7 процента);
- производственно-техническая сфера (промышленность, транспорт, строительство, энергетика) - 501 (19,7);
- административно-управленческая и хозяйственная деятельность - 392 (15,4);
- торговля, бытовое обслуживание, связь - 140 (5,5);
- наука, культура, просвещение, здравоохранение - 127 (4,9);
- правоохранительная деятельность, военная служба - 78 (3,1);
- природоохранная деятельность, лесное дело - 71 (2,8);
- прочее - 3 (0,1);
- "без определенных занятий" - 18 (0,7);
- нет сведений - 382 человека (15,0 процента).

В заключение - вновь скорбная статистика.

Как уже отмечалось, общие безвозвратные потери среди содержавшихся в Вятлаге заключенных-латышей составили за период с февраля 1938 года по декабрь 1955 года - не менее 2.544 человек, или более 42 процентов к числу доставленных в лагерь.

Более детальная картина смертности отражена в нижеследующей таблице:

Сведения

о смертности среди жителей Латвии и этнических латышей, репрессированных по политическим мотивам и содержавшихся в Вятском ИТЛ НКВД СССР (1938-1955 годы).

Месяцы

годы I II III IV V VI VII VIII IX X XI XII За год %%

1938 1 1 3 5 0,2

1939 3 3 6 9 4 5 5 4 4 1 1 45 1,8

1940 2 1 1 4 0,2

1941 4 1 1 4 19 62 105 94 117 407 16,7

1942 166 120 157 233 199 131 124 56 28 20 21 25 1280 52,6
 1943 39 41 70 93 117 75 55 30 14 13 12 10 569 23,4
 1944 5 13 3 12 10 9 2 2 1 1 2 60 2,5
 1945 2 1 3 2 1 1 2 12 0,5
 1946 1 1 1 1 1 5 0,2
 1947 1 1 1 2 5 0,2
 1948 1 1 2 1 2 7 0,3
 1949 1 1 1 1 1 2 1 1 9 0,4
 1950 1 1 1 3 0,1
 1951 1 1 1 1 1 5 0,2
 1952 1 1 1 1 4 0,2
 1953 1 1 1 1 1 5 0,2
 1954 2 1 1 4 0,2
 1955 1 1 2 4 0,2
 Вс.гг.222 182 242 357 339 228 195 115 111 147 133 162 2433 100,0
 %% 9,1 7,5 9,9 14,7 13,9 9,4 8,0 4,7 4,6 6,0 5,5 6,7 100,0

Показатели смертности по периодам:

- довоенный период (февраль 1938 года - май 1941 года) - 60 случаев (2,5 процента);
- военный период (июнь 1941 года - май 1945 года) - 2318 случаев (95,3 процента);
- послевоенный период (июнь 1945 года - декабрь 1956 года) - 55 случаев (2,3 процента).

Показатели смертности по сезонам (временам года):

- зима (декабрь - февраль) - 566 случаев (23,3 процента);
- весна (март - май) - 938 случаев (38,6 процента);
- лето (июнь - август) - 538 случаев (22,1 процента);
- осень (сентябрь - ноябрь) - 391 случай (16,1 процента).

Абсолютно высокие показатели смертности:

- год - 1942-й - 1280 случаев (52,6 процента от общего числа);
- сезон (календарный) - весна 1942 года - 589 случаев (24,2 процента от общего числа);
- месяц (календарный) - апрель 1942 г. - 233 случая (9,6 процента от общего числа).

В порядке комментария:

Сравнительная таблица

показателей смертности среди спецконтингентов

ВЯТЛАГА НКВД СССР

и трудового концентрационного лагеря БУХЕНВАЛЬД (Германия)

в 1938 - 1945 годах.

Годы Число летальных случаев Соотношение

Вятлаг НКВД СССР БХВ-1 (графа:графа, %%)

Латыши-2 КР-3 ВК-4

1 2 3 4 1:2 1:3 2:3 2:4 3:4

1938 5 1421 2000 771 0,4 0,3 71,0 184,3 259,4

1939 45 755 1060 1235 6,0 4,2 71,2 61,1 85,8

1940 4 240 340 1772 1,7 1,2 70,6 13,5 19,2
1941 407 1232 1810 1522 33,0 22,0 66,6 80,9 121,6
1942 1280 7271 9090 2898 17,6 14,1 80,0 250,9 313,7
1943 569 4506 5630 3516 12,6 10,1 80,0 128,2 160,1
1944 60 1101 1380 8644 5,4 4,3 79,8 12,7 16,0
1945-5 3 83 103 13056 3,6 2,9 80,6 0,6 0,8
Всего 2373 16609 21453 33414 14,3 11,1 77,4 49,7 64,2

Числен-
ность

спецкон-

тингентаб 3500 30000 90000 236062 11,6 3,9 33,3 12,7 38,1

Уровень

смерт-

ности 67,8 55,4 23,8 14,2 122,4 284,9 232,8 390,1 167,6

Соотношение уровней смертности по графе 1 и графе 4 - 477,5
процента.

Цифровые сноски:

1 - Концлагерь Бухенвальд (все спецконтингенты, включая так
называемые "внешние команды").

2 - Этнические латыши и жители Латвии.

3 - Лица, репрессированные по политическим мотивам и во
внесудебном порядке по национальному или социальному признакам
(заключенные, подследственные, "трудоармейцы", "трудпереселенцы",
"директивники").

4 - Все контингенты (неполные экстраполированные данные).

5 - Январь - март 1945 года.

6 - Прибытие за январь 1938 года - март 1945 года включительно
(по Вятлагу - неполные экстраполированные данные).

(См.: Бухенвальд. Документы и сообщения. - М.: Издательство
иностранной литературы. 1962. С.77).

На основании этих и других сопоставлений вполне логично
констатировать: обе карательные системы (сталинско - гулаговская и
нацистско - концлагерная) при всех внешних модификациях действовали с
равнозначной расчетливой бесчеловечностью.

При этом советская система (с точки зрения "убойности") в
сравнении со своим германским аналогом по некоторым параметрам
демонстрировала даже более высокую "эффективность".

Дислокация мест погребения узников-латышей в Вятлаге с
достаточной точностью отражает размещение заключенных данной категории
в этом лагере.

Почти все эти захоронения (99,6 процента) находятся на территории
Верхнекамского (ранее Кайского) района Кировской области, в том числе
в пределах административных округов: Лесного поселкового - 1.394 (57,7
процента), Созимского сельского - 500 (20,6), Рудничного поселкового -
489 (20,1).

Согласно учетно-строевым документам Вятлага, наибольшее число захоронений произведено:

- на 7 лагерном пункте (Лесной поселковый округ, поселок Ягодный, 6 километров по железной дороге к северу от поселка Лесного, лагпункт и поселок ликвидированы в начале 1990-х годов) - 939 погребений, или 38,7 процента от общего числа;
- на 3 лагерном пункте (Созимский сельский округ, станция Малый Созим, 5 километров к югу от поселка Лесного по железной дороге, затем - 9 километров на северо-восток по насыпи бывшей узкоколейной железной дороги, лагпункт и станция ликвидированы в конце 1950-х годов) - 438 погребений, или 18,0 процента;
- на 11 лагерном пункте (Рудничный поселковый округ, станция Верхнекамская, 28 километров к югу от поселка Лесного по железной дороге; 2 километра к юго-западу от поселка Рудничного по автотрассе; лагерь ликвидирован в конце 1940-х годов) - 415 погребений, или 17,1 процента;
- на 4 ("больничном") лагерном пункте (Лесной поселковый округ, поселок Полевой-2 /"сангородок"/, в 4 километрах к югу от поселка Лесного по железной дороге) - 191 погребение, или 7,9 процента;
- на 9 лагерном пункте (Лесной поселковый округ, станция Мурис, 14 километров к северу от поселка Лесного по железной дороге и 10 километров к северо-востоку от станции Брусничной по бездорожью, лагпункт и станция ликвидированы в конце 1940-х годов) - 117 погребений, или 4,8 процента;

В остальных 15 подразделениях Вятлага и в городе Кирове произведены 329 погребений, или 13,5 процента.

Приговорены к смертной казни (расстрелу) и отправлены для приведения приговора в исполнение за пределы лагеря - 115 человек, или 4,5 процента от общего "латвийского" списка Мартиролога, в том числе этапированы в город Киров - 114 приговоренных, или 99,1 процента от известного к настоящему времени их числа.

В настоящее время заброшенные, трудно доступные (по причине бездорожья) прилагерные погосты заросли лесом, могильные холмики сравнялись с землей; определить точное место персональных захоронений и идентифицировать их сегодня практически невозможно...

Аура забвения, беспамятства, полуправды по-прежнему довлеет над здешними местами.

И это лишь еще раз подчеркивает настоятельную актуальность дальнейшей работы над "Мартирологом Вятлага" - как скромной, но неотъемлемой составной части непростого труда по составлению достоверной истории нынешнего постсоветского пространства в XX веке.

* * *

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Перечень
некоторых официальных актов
государственных и партийных органов СССР
по вопросам политических репрессий в Латвии

или их последствий
(1937-1990 годы).

- Решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 3 июля 1937 года "Об антисоветских элементах".

- Приказ НКВД СССР от 30 июля 1937 года N 00447 [Об антисоветских элементах. - В.В.].

- Указание НКВД СССР от 30 ноября 1937 года N 49990 [Об аресте всех латышей, подозреваемых в контрреволюционной деятельности. - В.В.].

- Решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 31 января 1938 года [О продолжении операции по разгрому шпионско-диверсионных контингентов из граждан инонациональностей (поляков, латышей, немцев, эстонцев, финнов, греков, иранцев, харбинцев, китайцев, румын, болгар, македонцев). - В.В.].

- Приказ НКВД СССР от 11 октября 1939 года N 001223 [Инструкция о порядке проведения депортации антисоветских элементов из Литвы, Латвии и Эстонии. - В.В.].

- Постановление Совнаркома СССР от 2 марта 1940 года N 289/127сс [О выселении из западных районов Украинской ССР и Белорусской ССР членов семей польских военнопленных и содержащихся в тюрьмах (фактически было затем распространено на все западные области СССР). - В.В.].

* ГАРФ. Ф.Р-9479. Оп.1. Д.52. Лл.12-13.

* АПРФ. Ф.3. Оп.61. Д.861. Лл.93-94.

- Постановление Совнаркома СССР от 10 апреля 1940 года N 497/177сс [Об утверждении инструкции о выселении лиц, подпадающих под постановление Совнаркома СССР от 2 марта 1940 года. - В.В.].

* ГАРФ. Ф.Р-9479. Оп.1. Д.52. Л.13.

* ГАРФ. Ф.5446. Оп.57. Д.68. Лл.123-124.

- Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 14 (16?) мая 1941 года [О выселении социально чуждого элемента из республик Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии и Молдавии. - В.В.].

- Приказ НКВД СССР от 14 июня 1941 года [Об утверждении плана мероприятий по этапированию, расселению и трудоустройству спецконтингентов, выселяемых из Литовской, Латвийской, Эстонской и Молдавской ССР. - В.В.].

* ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.641. Л.316.

- Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 года "О военном положении".

* Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. N 29.

- Директива НКВД СССР и НКГБ СССР от 4 июля 1941 года N 238-131 "О мероприятиях по выселению социально опасных лиц из районов, объявленных на военном положении".
- Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 24 июня 1942 года N 1926сс "О членах семей изменников Родины".
- Распоряжение НКВД СССР от 7 января 1944 года N 20/Б [О "немецких пособниках". - В.В.].
- Постановление Совета Министров СССР от 13 апреля 1946 года N 843-342сс "О возвращении на родину репатриантов латышей, эстонцев и литовцев".
* ГАРФ. Ф.7523. Оп.65. Д.65. Лл.1-2.
- Распоряжение Совета Министров СССР от 12 июня 1947 года N 7240рс [О распространении действия постановления Совета Министров СССР от 13 апреля 1946 года N 843-342сс на лиц некоторых национальностей /кроме немцев/, являвшихся уроженцами и постоянными жителями Литвы, Латвии и Эстонии. - В.В.].
* ГАРФ. Ф.5446. Оп.49а. Д.62. Л.7.
- Постановление Совета Министров СССР от 21 февраля 1948 года N 418-161сс "О ссылке, высылке и спецпоселениях".
- Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 года "О направлении особо опасных государственных преступников по отбытии наказания в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР".
- Постановление Совета Министров СССР от 24 ноября 1948 года N 4367-1726сс "О выселенцах".
* ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.725. Лл.93-94.
- Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года "Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, высланных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны".
* ГАРФ. Ф.7523. Оп.36. Д.450. Л.87.
* ГАРФ. Ф.9401. Оп.12. Д.207. Б/л.
- Постановление Совета Министров СССР от 12 декабря 1948 года N 4722сс [О выселении кулаков и обвиняемых в бандитизме с семьями с территории Пыталовского, Печерского и Качановского районов Псковской области. - В.В.].
- Постановление Совета Министров СССР от 29 января 1949 года N 390-138сс [О выселении с территории Литовской, Латвийской и Эстонской ССР кулаков с семьями, семей бандитов и националистов. - В.В.].
- Приказ МГБ СССР от 28 февраля 1949 года N 0068 [Об операции "Прибой" на территории Прибалтики. - В.В.].
* РГВА. Ф.38650. Оп.1. Д.408.

- Постановление Совета Министров Латвийской ССР от 17 марта 1949 года N 282сс "О выселении из пределов Латвийской ССР кулацких семей".
- Постановление Совета Министров СССР от 29 декабря 1949 года N 5881-2201сс [О выселении с территории Пыталовского, Печерского и Качановского районов Псковской области семей кулаков, бандитов и осужденных за антисоветскую деятельность. - В.Б.].
* ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.641. Л.368об; Д.607. Л.201.
- Постановление Совета Министров СССР от 14 июля 1950 года N 3077-1286сс [О передаче отдела спецпоселений МВД СССР в МГБ СССР. - В.В.].
- Постановление Совета Министров СССР от 3 марта 1951 года N 667-339сс [О выселении активных участников антисоветской секты "иеговистов" с семьями из Украинской, Белорусской, Молдавской, Латвийской, Литовской и Эстонской ССР. - В.В.].
- Приказ МГБ СССР от 5 марта 1951 года [Об "андерсовцах" и "иеговистах". - В.В.].
* ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.641. Л.315; Д.642. Л.303.
- Постановление Совета Министров СССР от 5 сентября 1951 года N 3309-1568сс [О выселении из Прибалтики кулаков и членов их семей, враждебно настроенных против колхозов. - В.В.].
* ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.641. Л.103.
- Постановление Совета Министров СССР от 1952 года "Об оставлении на спецпоселении лиц, выселенных в период Отечественной войны".
* ГАРФ. Ф.9479. Оп.2. Д.611. Лл.287-288.
- Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1952 года "О направлении на спецпоселение отбывших наказание осужденных, члены семей которых находятся на поселении".
* ГАРФ. Ф.7523. Оп.56. Д.588. Л.1.
- Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 года "Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.".
* Ведомости Верховного Совета СССР. 1955. N 17. Ст.345.
- Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 марта 1956 года "Об отмене Указа Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 года "О направлении особо опасных государственных преступников по отбытии наказания в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР".
- Указание МВД СССР от 29 апреля 1956 года [О запрещении применения ареста в качестве административного наказания к спецпоселенцам. - В.В.].
- Указ Президиума Верховного Совета Латвийской ССР от 5 октября 1957 года "О запрещении бывшим руководителям буржуазных правительств

Латвии, руководителям буржуазных политических партий и антисоветских организаций, активным участникам латышского националистического подполья, осужденным и отбывшим наказание, возвращаться в Латвийскую ССР".

- Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 января 1963 года "О снятии ограничений со спецпоселенцев, находившихся ранее в националистическом подполье, бывших торговцев, помещиков, фабрикантов, высланных из Западной Украины, Молдавской ССР, Литовской ССР, Латвийской ССР, Эстонской ССР".

- Постановление Совета Министров Латвийской ССР от 5 декабря 1988 года (Положение "О порядке возврата имущества или возмещения его стоимости гражданам, выселение которых в административном порядке за пределы Латвийской ССР признано необоснованным". - В.В.).

- Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года "О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв политических репрессий, имевших место в период 1930-1940-х и начала 1950-х годов".

- Ведомости Верховного Совета СССР. 1989. N 3. Ст.19.

- Указ Президента СССР от 13 августа 1990 года "О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 1920-1950-х годов".

Сокращения:

- АПФР - Архив Президента Российской Федерации;
- ГАРФ - Государственный архив Российской Федерации;
- РГВА - Российский Государственный военный архив.

* * *

Источники и литература.

- Архив Вятского УЛИУ - Учреждения К-231 - Вятского ИТЛ. Фонды секретариата, специального учета и отдела кадров.

- Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923-1960 гг.: Справочник. - М.: 1998.

- Бердинских В.А. История одного лагеря /Вятлаг/. - М.: 2001.

- Бердинских В.А. Спецпоселенцы. Политическая ссылка народов Советской России. - Киров. 2003.

- Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР: 1930-1960. - М.: 2003.

- Полян П. Не по своей воле...: История и география принудительных миграций в СССР. - М.: 2001.

Автор:

ВЕРЕМЬЕВ

Владимир Иванович,
РОССИЯ, п.Лесной Верхнекамского района Кировской области,
ул.Энтузиастов, д.10, кв.17.
Февраль 2004 года.